

«Мне кажется, что всякий человек при Антоне Павловиче нелегко ощущал в себе желание быть проще, правдивее, быть более самим собой...» — писал А. М. Горький.

Впервые публикуемый сегодня фрагмент из воспоминаний современника рассказывает о встречах Горького и Чехова.

Весной 1899 года ялтинская «белая дача» Чехова еще не была построена, и он жил неподалеку, на Аутинской улице, а дома К. М. Иловайской, занимавшая две комнаты нижнего этажа. Сюда-то 19 марта и пришел к нему впервые Максим Горький.

Приход этот не был случайным. Ему предшествовала переписка, начатая Горьким. В первом же письме к Чехову осенью 1898 года, посылая два тома своих только что вышедших «Очерков и рассказов», он признавался в «искреннейшей горячей любви», которую питает к Чехову «со времен младших ногтей». Так это и было, о чем единодушно свидетельствуют люди, встречавшиеся с Горьким. Н. Евреинов, например, вспоминал, как еще 16-летний Алеша Пешков показал ему, в то время казанскому гимназисту, какой-то рассказ Чехова, помещенный в юмористическом журнале, и, восхищаясь этим рассказом, «высказал желание научиться самому так писать». А ведь тогда, в 1884 году, критика упорно не хотела замечать талант писателя-юмориста, видя

А. М. ГОРЬКИЙ:

ХОРОШО ВСПОМНИТЬ О ТАКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

в нем лишь рядового сотрудника «малой прессы».

Один из первых русских марксистов С. И. Миллер рассказывал, как в 1893 году при встрече с ним Горький детально разобрал чеховский рассказ «Почтуй», удивив «тонкостью литературной оценки» и «самостоятельностью мысли».

Таким образом, весной 1899 года с Чеховым встретился его давний почитатель, проживший много «дивных минут» над страницами чеховских книг, молодой писатель, видевший в произведениях старшего собрата образец мастерства и вкуса. В восприятии Горького Чехов — талант «разительно сильный», «могучий», которому «достаточно одного слова, для того чтоб создать образ, и фразы, чтоб сотворить рассказ, дивный рассказ, который автентично в глубь и суть жизни, как буря в землю».

«Говорят, напр., что «Дядя Ваня» и «Чайка» — новый род драматического искусства, в котором реализм возмещается до одухотворенного и глубокого продуманного символа», — писал Горький Чехову. — Я нахожу, что это очень верно говорят. И далее: «В русской литературе еще не было новеллистического, подобного Вам, а теперь Вы у нас самая ценная и крупная фигура».

В свою очередь, Чехов высоко оценил дарования Горького. «Вы спрашиваете, какого я мнения о Ваших рассказах», — писал он Горькому. — Какого мнения? Талант несомненный и

лю еще больше. Мне дорого каждое Ваше слово, и Вашим отношением ко мне — горжусь, будучи уверен, что оно — лучшая мне похвала и самый ценный подарок от судьбы».

Чехов также был заинтересован состоявшимся знакомством. «В Ялте, Горький. По внешности это босяк, но внутри — это довольно изящный человек — и я очень рад».

А месяц спустя, уже из Москвы, Чехов с удовольствием сообщает Горькому отзыв Льва Николаевича Толстого: «Третьего дня я был у А. Н. Толстого: он очень хвалил Вас, сказал, что Вы замечательный писатель».

Как же происходили первые встречи Горького и Чехова, каких тем касались в разговоре писатели? Сведения об этом чрезвычайно скудны. Мемуарный очерк Горького «А. П. Чехов» суммирует впечатления Горького от многих его посещений Чехова. Творческой задачей Горького было воссоздание личности Чехова, стремление достичь его образ мысли, манеру говорить. Поэтому диалог Чехова и Горького превратился под пером мемуариста в чеховские монологи. Себе же Горький отвел лишь роль слушателя, изредка вставляющего краткую реплику или задающего вопрос. Но, зная, что беседы двух писателей заходили за полночь, а то и продолжались до утра, пришлось бы себе представлять, что Чехов говорил часами напролет. А это так

«...ВСЕ ТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО МЫ ДЕЛАЕМ, ЕСТЬ ДЕЛО НАРОДНОЕ»

к 120-летию
дня рождения
А. П. ЧЕХОВА

мало похоже на него, обычно сдержанного, молчаливого (речь идет, разумеется, о Чехове ялтинского периода). Иное дело — Горький, прекрасный рассказчик, умевший и любивший говорить, обладавший феноменальной памятью, за плечами которого уже был многообразный выстраданный жизненный опыт.

Чтобы убедиться в справедливости этого предположения, достаточно обратиться к известному до сих пор свидетельству одного из современников — Сергея Николаевича Щукина, учителя ялтинской церковной школы, а в те годы начинающего литератора, пользовавшегося советами Чехова. Широко известны воспоминания Щукина, в частности, они вошли в сборник «Чехов в воспоминаниях современников». Но в семейном ар-

хеалекс Бальзаком, говорил с восторгом о его языке. Помню: «все редкое — красиво». «Вот», — восклицал он, — так сказать, так написать, это я понимаю».

Чехов, как я уже сказал, больше молчал и как будто присматривался к Горькому. Помнится, Горький написал в то время уже много рассказов: «бывшие люди», «Прощай, Мать» и т. д. Было замечено, что Чехов относился к нему несколько покровительственно, а Горький — уважительно. Они были очень внимательны и, прощаясь (Горький только что приехал), просили друг друга быть знакомыми и навещать один другого. Горький очень интересовался Чеховым и прислушивался к его разговору, к его мнениям».

С. Н. Щукин отметил харак-

А. П. Чехов и А. М. Горький. Ялта, 1900 г.

хиве Щукина, бережно хранимом его дочерью М. С. Щукиной, нам удалось обнаружить черновик одной записи, не вошедшей в опубликованный текст мемуаров. Не обработанный автором, стилистически шероховатый и в известной мере конспективный, эта запись содержит, однако, ряд ценных сведений и наблюдений.

«В эти первые посещения я встретил у него два раза Горького. Горький тогда только что начинал быть известным. Он заходил к Чехову и сидел долго. Было любопытно наблюдать их. Чехов сидел и говорил мало; Горький все ходил по комнате и говорил очень много и все о себе. Видно было, что его еще не знают хорошо в литературных кружках, по крайней мере, не знал Чехов, и Горький, так сказать, знакомил с собой. Не знаю, где и когда, я как-то не интересовался этим, они познакомились, но впечатление было такое, что очень недавно».

Горький говорил о многом; сообщал некоторые эпизоды из своей прежней жизни; говорил о румынских (одно слово неразборчиво. — Е. С.), о том, как он переходил тайком границу; о том, как он в каком-то монастыре пригрозил настоятелю, что повесится на монастырских воротах; о том, как татарин выбил ему голову, и т. д. Он говорил интересно, видна была обобщающая, философская жилка, но было иногда замечено, что говорит самоуверенно, недавно лишь почувствовавший себя среди людей культурных. Так, он говорил, некоторые иностранные слова с неправильным ударением. Чехов, улыбаясь, поправлял его... Тогда он, по-видимому, ува-

терную особенность этих первых встреч — Горький «знакомился с собой». Чехов, рассказывая о своей богатой впечатлительности и приключениях жизни, точности записи, Щукина подтверждает многими документами и воспоминаниями, часть из которых еще хранится в архивах, и в частности воспоминаниями О. Ю. Каминской (ей посвящен рассказ «О первой любви»). Горький действительно хотел перейти границу, чтобы попасть во Францию, где в начале 90-х годов жила она.

Высокая оценка Бальзака оставалась неизменной на протяжении всей жизни Горького. Полуболевший Горькому афоризм (у Щукина — «все редкое — красиво») в более точном переводе приведен писателем в начале очерка «М. М. Колюбневский» (1913): «Прекрасное — это редкое», — говорил Гонкуры. Возможно, Горький в разговоре с Чеховым упоминал и Гонкуров. В своей статье «О Бальзаке» Горький писал, что после чтения романа Э. Гонкура «Братья Земгано» ему захотелось познакомиться с другими писателями Франции. Огромное впечатление на него произвел тогда роман Бальзака «Шагреневая кожа», читал он эту книгу с «неописуемым наслаждением».

Записи Щукина показывают Горького, увиденного как бы глазами Чехова. О том же, как Горький воспринимал Чехова, встречаясь и беседуя с ним, о том, каким чувством проникался он в рассказе в очерке «А. П. Чехов»:

«Хорошо вспомнить о таком человеке, тотчас а жизнь твою возвращается бодрость, снова входит в нее ясный смысл».

Евгения САХАРОВА, кандидат филологических наук

О последних днях жизни А. П. Чехова, прошедших в Баденвейлере мы знаем мало. Всякая подробность, возникающая вдруг из небытия, трогательна и значительна. Чрезвычайно редки находки неопубликованных писем А. П. Чехова. В процессе подготовки нового академического собрания сочинений и писем Антона Павловича, где письма занимают 12 томов, нам удалось обнаружить и напечатать считанное число таких документов. Незнакомое письмо, отправленное из Баденвейлера — это драгоценная находка.

Всего несколько строк, но в каждой из них — печать высокого духа, изумлявшего всех, кто знал Чехова в последние годы его жизни.

Л. ОПУЛЬСКИЙ, заместитель главного редактора полного собрания сочинений и писем А. П. Чехова

3/16 июня 1904 года (все даты даются далее по новому стилю) тяжело больной А. П. Чехов выезжал вместе со своей женой, Ольгой Леонардовной Книппер-Чеховой, из Москвы в Германию. Врачи рекомендовали ему для лечения один из курортов Шварцвальда, чистый горный воздух которого благотворно действовал на легких больных. Выбор пал на курорт в Баденвейлере, небольшой шварцвальдский курорт неподалеку от швейцарской границы.

18 июня Чеховы прибывают в Берлин, живут там три дня, а 21-го выезжают в Баденвейлер «на свое длительное местопребывание», как писал в тот же день Антон Павлович М. П. Чехов. Однако улучшение здоровья, наступившее, как казалось, в первые дни, сменилось через несколько недель резким ухудшением. В ночь с 14 на 15 июля Чехов не стало. Он пролежал, таким образом, в Германии около месяца.

Об этих последних днях Чехова сохранилось сравнительно немного сведений; они сохранились прежде всего в тех письмах, которые он писал тогда знакомым и близким. В последнем томе полного собрания сочинений и писем Чехова, изданном в 1961 году, напечатано 3 письма из Берлина и 14 — из Баденвейлера.

Неизвестные донные письма Чехова, недавно обнаруженные и впервые публикуемые ниже, проливают свет на некоторые обстоятельства его пребывания в Берлине и Баденвейлере. Оно обращено к Григорию Борисовичу Иоллосу, которого без преувеличения можно назвать «последним другом» Чехова, хотя «дружба» их и была кратковременной.

Г. Б. Иоллос получил известность на грани веков как берлинский корреспондент «Русских ведомостей». Его «Письма из Берлина» пользовались в России широким и заслуженным признанием. Он был личным знаком с Короленко, Успенским и другими писателями.

В годы первой русской революции Иоллос вовлекается в общественную жизнь. В конце 1905 года он возвращается из Берлина в Москву и вскоре избирается депутатом 1-й Государственной думы. В марте 1907 года Иоллос был убит на улице возле своего дома. Убийство было организовано черносотенцами. Смерть Иоллоса вызвала бурю возмущения в России и за рубежом и превратилась в крупное общественное событие.

Знакомство Чехова с Иоллосом состоялось в Берлине 18 июня 1904 года. Инициатором встречи был, бесспорно, сам Антон Павлович, который еще в Москве, готовясь к выезду в Германию, пытался через друзей найти кого-либо, кто мог бы оказать ему помощь в чужом городе.

Помощником, переводчиком и гидом Чеховых в Берлине оказался Иоллос. Чехов обратился к нему по рекомендации В. М. Соболевского, редактора «Русских ведомостей», с которым был давно и близко знаком. В письме из Баденвейлера 25 июня Чехов благодарит Соболевского «за Иоллоса»:

«Это превосходный человек, а высшей степени интересный, любознательный и бесконечно обязательный. Я три дня прожил в Берлине и все три дня чувствовал на себе заботу Иоллоса...» Насколько я мог его понять, говорил о себе он очень скромно и не знает точно, каким успехом у нас в Москве да и в России пользуется его письма из Берлина».

В ответном письме Соболевский дает подробную характеристику Иоллосу.

«Это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

«Печать Высокого Духа» — это, — пишет он Чехову 1 июля 1904 года, — серьезная натура, кроме того что — превосходный человек. Жить ему лично не легко, жена тяжело и безнадёжно нервная, болящая и мн-кого» др-угое»

что значит auf Veranlassung? В свободную минуту побывайте или еще лучше пошлите кого-нибудь к Мендельсону, пусть вышлет нам деньги по вышеписанному адресу.

Карточку Вашу жду. Подпись, число, название газеты и Берлин — вот что нужно к фотографии. Подпись впрочем в конце. Я был бы совершенно здоров, если бы не одышка. Ноги прошли совершенно. Злешний д-р Schwieger — хороший доктор, порядочный человек по-видимому и знает свое дело прекрасно.

За Берлин я Вам бесконечно благодарен и очень рад и доволен, что познакомился наконец с Вами. Желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны.

Ваш

А. ЧЕХОВ

Сколько я должен Вам за книги?

Любопытно в данном письме упоминание о фотографии. Трудно установить, куда и кому намеревался послать Антон Павлович фотографию своего нового знакомого и краткие сведения о нем. Об этом, как выясняется из письма, Чехов и Иоллос говорили еще в Берлине. Однако выполнить свое намерение Чехову, по всей видимости, не удалось. В архиве А. П. Чехова (отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина) хранится ответное письмо Иоллоса, написанное, судя по содержанию, 26 или 27 июня.

«Многоуважаемый! Антон Павлович!

Получив вчера Ваше письмо, я зашел к Мендельсону, представил чек и добился обе-

щания, что деньги немедленно Вам будут высланы в Баденвейлер. Надеюсь, что Вы их уже получили. Очень рад был добрым вестям от Вас. На хорошем шварцвальдском воздухе и одышка скоро пройдет. Поправляйтесь же, наберите сил и вернитесь свежим и бодрым, чтобы жить и доставлять наслаждение людям своим пером.

Послав карточку, хотя повторяю не место мне в галереях писателей! Просто — изрядный ремесленник!

Сердечным приветом Ольга Леонардовна которой послала письмо Стриндберга. Перевод хороший, издание плохое, а лучшего нет (3-й том полного собрания сочинений) «Стриндберга» выйдет только осенью.

За немецкие переводы Ваших книг Вы мне ничего не должны. Если непременно хотите «реанимировать» ра, пришлите мне по приезду домой какие-нибудь из своих книг. Раньше мы в Берлине увидимся. Не забудьте, что общими предварительными нап-

Имю Вашу руку и от души желаю все хорошего, а главное — совсем выздороветь.

Искренне Ваш

Г. Иоллос.

Наиболее интересен в этом письме пассаж о Стриндберге. Чехов знал и высоко ценил творчество шведского драматурга. Ясно, что о Стриндберге Чехов, его жена и Иоллос беседовали в Берлине. Вероятно, Иоллос рассказывал им о постановках стриндберговских драм в немецких театрах и в продолжение этого разговора послал одну из них в немецком переводе.

За несколько дней до смерти Чехова Ольга Леонардовна еще раз обращается к Иоллосу. В своем дневнике, написанном в форме письма (посмертного) к Чехову, она вспоминает: «29-го июня (12 июля) — К. А. С. В.), когда тебе сделалось плохо, ты велел выписать деньги, последние наши, из Берлина через Иоллоса и велел мне писать Иоллосу, чтобы он выслал на мое имя. Мне это было неприятно, и я не хотела делать этого. Но ты настоял».

О последних днях и часах Чехова Иоллос рассказывал в публикуемом ниже письме к В. М. Соболевскому. Оно было помещено 9/22 июля в «Русских ведомостях» (№ 189).

«...В Люцерне, где я думал отдохнуть несколько дней с братом мн-ко, — настала телеграмма Ольги Леонардовны с известием об окончании А-нтон-а. П-авлович-а. Я с ближайшим поездом поехал в Баденвейлер...» Я лично в Берлине уже получил впечатление, что дни А-нтон-а. П-авлович-а сочтены — так он мне показывался тяжело больным: страшно исхудал, от малейшего движения нахлещ и одышка, температура всегда повышалась. В Берлине ему трудно было подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала; несколько минут он сидел обессиленный и

тяжело дышал. Помню, однако, что, когда поезд отходил, он, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на месте, вынул из оной и долго издал голос, когда поезд двинулся. По приезде сюда, в Баденвейлер, он первые дни чувствовал себя бодрее, говорил о своих планах, мечтал о грядущем по Италии, да и в Берлине, в последний момент, вернулся в Ялту через Константинополь. Аппетит и сон были лучше: но уже на второй неделе здешнего пребывания стали проявляться бесспорные и торопливости — комната ему не нравилась, хотелось другого места. Они переехали в частный дом Villa Federle, и там повторилась та же самая: пара спонных дней, затем снова желание куда-нибудь подальше.

За Берлин я Вам бесконечно благодарен и очень рад и доволен, что познакомился наконец с Вами. Желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны.

Ваш

А. ЧЕХОВ

Сколько я должен Вам за книги?

Любопытно в данном письме упоминание о фотографии. Трудно установить, куда и кому намеревался послать Антон Павлович фотографию своего нового знакомого и краткие сведения о нем. Об этом, как выясняется из письма, Чехов и Иоллос говорили еще в Берлине. Однако выполнить свое намерение Чехову, по всей видимости, не удалось. В архиве А. П. Чехова (отдел рукописей Библиотеки им. В. И. Ленина) хранится ответное письмо Иоллоса, написанное, судя по содержанию, 26 или 27 июня.

«Многоуважаемый! Антон Павлович!

Получив вчера Ваше письмо, я зашел к Мендельсону, представил чек и добился обе-

щания, что деньги немедленно Вам будут высланы в Баденвейлер. Надеюсь, что Вы их уже получили. Очень рад был добрым вестям от Вас. На хорошем шварцвальдском воздухе и одышка скоро пройдет. Поправляйтесь же, наберите сил и вернитесь свежим и бодрым, чтобы жить и доставлять наслаждение людям своим пером.

Послав карточку, хотя повторяю не место мне в галереях писателей! Просто — изрядный ремесленник!

Сердечным приветом Ольга Леонардовна которой послала письмо Стриндберга. Перевод хороший, издание плохое, а лучшего нет (3-й том полного собрания сочинений) «Стриндберга» выйдет только осенью.

За немецкие переводы Ваших книг Вы мне ничего не должны. Если непременно хотите «реанимировать» ра, пришлите мне по приезду домой какие-нибудь из своих книг. Раньше мы в Берлине увидимся. Не забудьте, что общими предварительными нап-

Имю Вашу руку и от души желаю все хорошего, а главное — совсем выздороветь.

Искренне Ваш

Г. Иоллос.

Наиболее интересен в этом письме пассаж о Стриндберге. Чехов знал и высоко ценил творчество шведского драматурга. Ясно, что о Стриндберге Чехов, его жена и Иоллос беседовали в Берлине. Вероятно, Иоллос рассказывал им о постановках стриндберговских драм в немецких театрах и в продолжение этого разговора послал одну из них в немецком переводе.

За несколько дней до смерти Чехова Ольга Леонардовна еще раз обращается к Иоллосу. В своем дневнике, написанном в форме письма (посмертного) к Чехову, она вспоминает: «29-го июня (12 июля) — К. А. С. В.), когда тебе сделалось плохо, ты велел выписать деньги, последние наши, из Берлина через Иоллоса и велел мне писать Иоллосу, чтобы он выслал на мое имя. Мне это было неприятно, и я не хотела делать этого. Но ты настоял».

О последних днях и часах Чехова Иоллос рассказывал в публикуемом ниже письме к В. М. Соболевскому. Оно было помещено 9/22 июля в «Русских ведомостях» (№ 189).

«...В Люцерне, где я думал отдохнуть несколько дней с братом мн-ко, — настала телеграмма Ольги Леонардовны с известием об окончании А-нтон-а. П-авлович-а. Я с ближайшим поездом поехал в Баденвейлер...» Я лично в Берлине уже получил впечатление, что дни А-нтон-а. П-авлович-а сочтены — так он мне показывался тяжело больным: страшно исхудал, от малейшего движения нахлещ и одышка, температура всегда повышалась. В Берлине ему трудно было подняться на маленькую лестницу Потсдамского вокзала; несколько минут он сидел обессиленный и

тяжело дышал. Помню, однако, что, когда поезд отходил, он, несмотря на мою просьбу оставаться спокойно на месте, вынул из оной и долго издал голос, когда поезд двинулся. По приезде сюда, в Баденвейлер, он первые дни чувствовал себя бодрее, говорил о своих планах, мечтал о грядущем по Италии, да и в Берлине, в последний момент, вернулся в Ялту через Константинополь. Аппетит и сон были лучше: но уже на второй неделе здешнего пребывания стали проявляться бесспорные и торопливости — комната ему не нравилась, хотелось другого места. Они переехали в частный дом Villa Federle, и там повторилась та же самая: пара спонных дней, затем снова желание куда-нибудь подальше.

За Берлин я Вам бесконечно благодарен и очень рад и доволен, что познакомился наконец с Вами. Желаю Вам всего хорошего, будьте здоровы и благополучны.

Ваш

А. ЧЕХОВ

В гостях у А. П. Чехова, Москва, январь 1900 г.

Фото А. КОЧЕТОВА